

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна»
Высшая школа печати и медиатехнологий

XVIII Всероссийская научная конференция

ПЕЧАТЬ И СЛОВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Сборник научных трудов

Петербургские чтения – 2016

*Часть 2. Литературоведение
Лингвистика*

2017 Санкт-Петербург
СПбГУПТД

УДК 81; 82
ББК 80
ПЗ1

Редакционная коллегия

директор ВШПМ СПбГУПТД,
зав. каф. КИиКТ Н. Б. Лезунова
доцент кафедры КИиКТ
СПбГУПТД ВШПМ Т. П. Вязовик
доцент кафедры КИиКТ
СПбГУПТД ВШПМ Н. Г. Николаюк

Составители и научные редакторы Т. П. Вязовик
М. Д. Кузьмина
Ответственный за выпуск И. В. Фатеева
Редакторы А. В. Никандрова,
А. Ю. Бабкина
Оформление, верстка И. Е. Адамантов

ПЗ1 **Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2016): в 2 ч.
Ч. 2: Литературоведение. Лингвистика: сб. науч. тр. — СПб.: СПбГУПТД,
2017. — 396 с.**

ISBN 978-5-7937-1426-6

ISBN 978-5-7937-1427-3 ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИНГВИСТИКА

Ежегодный выпуск сборника научных трудов «Печать и слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения – 2016» выходит в свет как очередной отчет о прошедшей XVIII Всероссийской конференции и традиционно состоит из двух частей.

Вторая часть сборника «Литературоведение. Лингвистика» включает в себя два больших раздела. В разделе «Литературоведение» рассматривается достаточно широкий круг вопросов, связанных с проблематикой и поэтикой русской литературы XVIII–XXI вв.

Основная часть включенных в раздел «Лингвистика» работ посвящена общим вопросам лингвистики. Здесь рассматриваются актуальные проблемы функционирования и описания языка и текста, формирования и организации мышления языковой личности, языковые категории и концепты.

Авторы и составители сборника надеются, что он найдет своего читателя и будет интересен литературоведам, лингвистам, учащимся и всем, кто любит русский язык и литературу.

УДК 81; 82
ББК 80

ISBN 978-5-7937-1426-6

ISBN 978-5-7937-1427-3 ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИНГВИСТИКА

© СПбГУПТД, 2017

А. М. ГРАЧЕВА

Семантика дихотомии России и Франции в «Дневнике мыслей» А. М. Ремизова 1940-х гг.*

Статья основана на архивных материалах — рукописи «Дневника мыслей» А. М. Ремизова, хранящейся в РГАЛИ. В статье проанализирована семантика образов России и Франции в «Дневнике мыслей» Ремизова 1940-х гг. Изменение представлений о двух странах связано с развитием и постепенным затуханием мыслей писателя о возвращении в СССР.

Ключевые слова: Ремизов; русская эмиграция; «Дневник мыслей».

А. М. GRACHEVA

The semantics of Russia and France dichotomy in the 'Diary of Thoughts' by A. M. Remizov (1940s)

The article is based on archival materials — manuscripts of the 'Diary of Thoughts' by A. M. Remizov (the 1940s), deposited in the Russian State Archive of Literature and Arts (Moscow). The article analyzes the semantics of Russia and France images in the 'Diary of Thoughts'. The changing perceptions of the two countries have been associated with the development and gradual decay of the writer's thoughts on returning back to the USSR.

Keywords: Aleksey Remizov; Russian emigration; 'Diary of Thoughts'.

Значительное место в художественном наследии А. М. Ремизова занимает его «Дневник мыслей», который писатель вел с 1943 по 1957 г. — год его смерти. Потребность и привычка вести дневники была у писателя с юношеских лет. При этом он записывал не только события дня, но и свои сновидения. Эта традиция не прерывалась и в эмиграции во Франции в 1920–1930-е гг., преобразовавшись в форму создания графических дневников, представляющих собой альбомы рисунков с подписями и содержащих изображения лиц, событий дня, а также образы ночных сновидений¹.

После оккупации Парижа немцами писатель прекратил ведение графических дневников, опасаясь обыска и компрометации третьих лиц.

В период Второй мировой войны Ремизов с женой безвыездно находились в Париже, где пережили немецкую оккупацию. Ее оценку можно видеть в его записи 1949 г. о содержании книги «Мышкина дудочка», посвященной этому времени: «Глухое для тех, кто не побывал в аду в году оккупации»². В эти годы С. П. Ремизова-Довгелло была безнадежно больна. Поглощенный уходом за женой, бедствующий и в то же время не ставший коллаборантом, писатель прекратил заниматься литературным трудом. К последнему он смог вернуться только после смерти Серафимы Павловны, которая скончалась 13 мая 1943 г.

Первоначально в 1943 г. дневник Ремизова представлял собой обычные по типу ежедневные записи дневных происшествий, авторских размышлений и сновидений. В дальнейшем и содержание, и сама форма дневника претерпевают значительные изменения. Ремизов вел свой «Дневник мыслей» на

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Научный проект № 16-04-00179а («А. М. Ремизов. Дневники 1943–1957 гг. Т. IV. Подготовка к изданию сборника архивных документов»).

страницах школьных «общих тетрадей». На левой (оборотной) стороне разворота тетрадного листа делались ежедневные краткие заметки о событиях, данные о публикациях и полученных гонорарах, перечни лиц, посетивших квартиру Ремизова на улице Буало. На правой же стороне размещались записи ночных сновидений, с датировкой, в ночь с какого на какое число они приснились визионеру. В эти годы слепнувший писатель почти безвыходно находился в своей парижской квартире. В письме от 20 июля 1948 г. к родственнице одного из своих давних друзей Антонине Федоровне Рязановской Ремизов сообщал: «Я почти ослеп и вот уже годы живу в затворе и забыл, что такое ночь на воле. Но слух у меня — слышу шорохи, и в шорохе различаю шепот, то же и в человеческом голосе: сказанное и написанное. Всякий день мне снятся сны — моя вторая жизнь, и все [совсем] в ней по-другому, и я непохожий. Так я и уйду из жизни через сон коридорами»³.

Тематика сновидений Ремизова разнообразна, но одна из доминирующих тем — неутраченная тоска по родине, подходящее и в ночных образах осмысление возможности туда вернуться. Под влиянием патриотических настроений, охвативших значительную часть русской эмиграции Первой волны после победы СССР над гитлеровской Германией, и надежды увидеться с оставшейся на родине дочерью Ремизов в 1947 г. взял советский паспорт. В итоге полученные сведения о ее смерти в Киеве в 1943 г. и достаточно ясные представления о невозможности самореализации как писателя в условиях сталинского режима побудили литератора отказаться от мысли вернуться в Россию. Однако в его дневнике конца 1940-х — начала 1950-х гг. тема «возвращения» продолжает оставаться одной из центральных.

В 1947 г. тематика сновидений еще остается в значительной степени обусловленной мыслями писателя о возвращении на родину. Для Ремизова эти размышления мотивно связаны с постоянно встречающимся в сно-формах образом поезда. На нем писатель стремится уехать в Россию вместе с Серафимой Павловной, но осуществлению их намерения постоянно препятствуют различные обстоятельства: «Едем в поезде с С. П. Встречают поезд. Из него Симонов. Выскочил чокнуться — поезд сорвали, и я увидел, как со стаканом, весь в сером, он едва удержался и скрылся. С нами едет много детей, и все ко мне льнут... Тут и Аитов»⁴ (запись от 12–13 июля <1947 г.>); «Вышли из поезда. Пересадка. Толпятся. Багаж: чемодан раскрыт, надо упаковать. И чувствую, не умею» (запись от 21–22 сентября <1947 г.>); «Едем в поезде. Остановка. Перехожу через пути с опаской. И еще поезд — вагоны, как автомобили. И какая-то дама, я ее знаю, неотступно. И О. Н. Емельянова — жалкая» (запись от 11–12 октября <1947 г.>); «Проводы. Прощались с Керенским. Нам тоже ехать, что-то с билетами задержка. Приходится ходить по кассам. По дороге „вернулся“ из Америки Афонский: сидит на тележке» (запись от 1–2 ноября <1947 г.>); «Мы собрались ехать. Ждем поезда. И подходит какой-то автомобиль в виде кареты. Я сел. И Chuzeville. И поехали. И я спохватился: Chuzeville в Лион „на минутку“. Думаю, выскочить и пешком вернуться. А далеко. А, главное, С. П. на вокзале. Будет искать меня, куда скрылся. А автомобиль быстро катит. „Да я на минуточку в Лион, — повторяет Chuzeville, — успеем“» (запись от 5–6 декабря <1947 г.>); «Я еду, в поезде, но выскочить трудно — ремонт путей, и заезжаю куда-то не туда. И вижу, как хотел бы вскочить в вагон, а путь исправляют, не попасть» (запись от 10–11 марта <1948 г.>).

Мысли о потенциальной возможности реализовать грезы о возвращении получают в сновидениях Ремизова образное воплощение в снах о двух пространственно и эмоционально маркированных топосах — Франции и России.

Франция — пространство настоящего. Для Ремизова это Париж. В меньшей степени — центр города с его проспектами, площадями и мостами, в значительно большей — небольшой «пяточек» внутри XVI округа. В сердцевине этого мысленного мини-круга из улиц, магазинчиков и храмов находится квартира в доме 7 на улице Буало. Она является основным местом действия сновидений «парижской» тематики. Пространство этой квартиры пластично и растяжимо до бесконечности, но у нее есть одна постоянная характеристика: в ней неизменно находится Серафима Павловна. Сюда к ней и, естественно, к Ремизову, приходят многочисленные гости из разных времен и миров.

Другим пространством снов является Россия, которая предстает в образе страны детства, места, где писатель пережил события Второй русской революции. Но она же оборачивается неизвестным и страшным СССР, притягивающим писателя, точно влекущая в бездну, пленительно звучащая «мышкина дудочка» крысолова из Гамельна. Персонификацией и России, и СССР становится Москва, возникающая в разных ипостасях. Изначально Первопрестольная — город, где жил мальчик, а затем юноша Алексей Ремизов. И снова в меньшем числе сно-форм место действия — исторический центр, а в основном в сновидениях вновь и вновь возникают дома, храмы и улицы Басманной части. Средоточие данного пространства — территория фабрики и усадьбы Найденовых, где прошли детство и юность писателя. Это постройки на берегу Яузы около давно канувшего в Лету Полуярославского моста, напротив Андронникова монастыря. Темпорально в таких снах иногда открываются проекции в прошлое Москвы XVI–XVII вв., но главное время действия сновидений — конец XIX в. Примечательно, что «сонные дороги» автора дневника зачастую повторяют не раз хоженные маршруты его давних реальных путей от владения Найденовых до мест учебы — Александровского коммерческого училища и Московского университета.

Запись от 3–4 июня <1947 г.>: «Наша детская в Москве. Я лежу на своей кровати у стены, а впереди меня кровать Виктора. В комнату входит Ися и с ним Н<аталья> В<ладимировна> и идут тихонько к противоположной стене, где спала нянька. Виктор забеспокоился, и его кровать задвигалась. И я проснулся. И мне чего-то беспокойно. Ко мне подошла Н<аталья> В<ладимировна>: „Еще рано вставать! — сказала она, — еще ночь!“ И я проснулся».

Вторая ипостась родного города писателя: Москва — столица СССР. Это — место, куда в снах Ремизов возвращается, осуществив свою заветную мечту. В советской Москве оказывается старый полуслепой писатель. И он убеждается, что прежде — его город — уничтожено, а новое — неведомо и страшит. В снах Ремизова современная Москва соединяет в себе и незнаемое, и хорошо знакомое по тяжелой памяти о пережитых в России годах «военного коммунизма».

Запись от 23–24 июля <1948 г.>: «Переходы и нигде пристанища. Приехал в Москву. Живу в шалаше. Пока не выдали паспорт, разгуливать по улице нельзя. А я все-таки вышел на Тверскую. И заблудился. И брожу, переходы проломали, а до своего шалаша не могу добраться».

Запись от 23–24 декабря <1948 г.>: «Нам надо ехать в Москву: билет на поезд в ч<асов> 6. А у меня из очков выскочили стекла. „Где я там буду поправлять?“ И по найденовскому двору идет Иван Семенович в красноармейской форме и с ружьем. И мы пошли вместе. „Надо ему сказать, что поезд в 6 ч<асов>“. И вдруг я соображаю, что уже 9-ть!»

Запись от 8–9 января <1949 г.>: «Мы живем в Москве. Дом — очень высоко. Комната — все хорошо, но как с чаем: кухня внизу, а у меня ни

машинки, никаких приспособлений. Тут и Лифарь где-то. У меня револьвер: странно, какое устройство: скручено из ваты — хлопущка. И я понял, что в комнате я один. И даже выстрелом я никого не докличусь».

Нелицеприятные сведения об облике СССР конца 1940-х гг., полученные как из информационных изданий, так и из рассказов представителей Второй волны эмиграции, а также известия о смерти Н. А. Ремизовой привели Ремизова к решению не ехать в СССР. Любопытно, что в снах это решение получает метафорическое выражение в образах обратного движения — «возвращения» назад, во Францию.

Запись от 7–8 июля <1947 г.>: «Я запутался. Что-то вроде как забыл, или потерял. <...> И иду — не знаю куда — и попал в дом: это уже в России, а из окна „опытное поле“ — тут выращивают деревья и всякие овощи — „питомник“. И много — все молодые — что-то делают и прыгают. Он объясняет с недоверием к моим объяснениям. И я понимаю, как тут и „делано и серо“, но в Париж мне не вернуться. И я сквозь пространство вижу Париж, театр, разряженных, и вдруг подумал: да в чем же дело, почему там лучше? Что это такое: утонченность — „культура“ — и какая лживость».

Запись от 17–18 августа <1948 г.>: «Шаршун. И я с ним хожу по Москве: у Полуярославск<ого> моста все расчищ<ено> и стоит старая вроде часовни, тонкой золотой резьбы. Потом мы идем подвалами. Я раскрыл наклонную из газет свою книгу: а Шаршун говорит: „Да ведь это мое“. И мне неловко: это, действительно, мое. Все в Москве. Ехать надо в Париж. И вижу Олю и Наташу — они полетят, но они боятся, сужу по Оле».

Запись от 13–14 января <1949 г.>: «В Москве подыма<юсь> на Земляном валу в Таганку. Снег лежит. Поздний вечер. Я хватился — как возвращаться, и белую палку забыл. Попадаю в дом: там Карские. „Ничего, не беспокойтесь, мы вас проводим“. И вижу, у меня в руках белая палка».

В итоге можно сделать следующие выводы. Постепенно Франция, являющаяся неизменным местом действия событий, отраженных на дневной стороне дневника, становится доминирующим топосом сновидений, отражающих бытовую реальность существования писателя. Образы, мотивы, связанные с темой возврата в СССР, уходят из его снов. Россия же остается в их пространстве как пассажирующий, покрытый романтическим флером образ любимой страны, безвозвратно канувшей в Лету.

Примечания

¹ См.: *Ремизов А. М.* Именинный графический пряник Тырло. 550 снов. 22.XII.1933–8. IX.1937 // РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 46. 597 л.

² Цит. по: Волшебный мир Алексея Ремизова: кат. выставки. СПб., 1992. С. 31.

³ Письма Ремизова А. Ф. Рязановской // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2 (архив в обработке).

⁴ Здесь и далее тексты «Дневника мыслей» цит. по автографу: РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 35 и 36.